
КОНТЕКСТ: МНОГООБРАЗИЕ МОДЕРНОВ

И.В. КУДРЯШОВА

ИРАН КАК СЛУЧАЙ ИСЛАМСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Словосочетание «исламская модернизация» применительно к Ирану, да и не только, может восприниматься как оксиморон. В самом деле, понятие модерна несет в себе выраженный европоцентричный заряд, будучи органически связано с формированием и эволюцией суверенного западноевропейского государства и нации, а иранский режим легитимирован абсолютистскими религиозно-догматическими принципами. Верховная власть в стране по конституции принадлежит религиозному деятелю, «замещающему» двенадцатого сокрытого имама, а все гражданские, политические, экономические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах. Разве не позволяет отказать политике в «современности» одно лишь признание верховенства божественного закона над человеческим? Да и само слово «ислам» означает покорность воле Бога.

Некоторые исследователи полагают, что ислам в принципе не совместим с европейской современностью и, соответственно, демократией, поскольку не подвергался реформе и остался «целостным» (т.е. не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) [Elhadj, 2006; Bruce, 2003;

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (ФГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

Huntington, 1996]. В то же время рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе. Поэтому о необходимости реформы, которая положит конец «тотальности» ислама, активно пишут представители исламского модернизма – в основном мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы [Хаки́м, 2003; Ramadan, 2009; Ramadan, 2004; Tibi, 2009; Tibi, 2008].

Спор о совместимости ислама с демократией кажется привычным и бесконечным. После начала «глобальной войны с терроризмом» в 2001 г. он принял почти экзистенциальный характер. В таком контексте дискуссия, скажем, о ношении мусульманского платка девушками-студентками во Франции или Турции воспринимается как угроза демократическим основам общества. По мнению Оливье Руа, критика ислама сблизила представителей двух интеллектуальных семейств, которые ранее находились в оппозиции друг к другу: первые видят Запад в первую очередь христианским, вторые – светским и демократическим [Roу, 2007, p. 2–3].

Как представляется, большинство публичных дебатов на эту тему в той или иной степени продолжают страдать от методологических ошибок. Опуская фактор идеологической ангажированности, их можно определить следующим образом:

- статичный подход к исламу и демократии;
- приверженность европоцентричным историческим шаблонам (в частности, касательно взаимосвязи между секуляризацией и демократией);
- редукционизм в восприятии исламского политического дискурса;
- невнимание к микросоциологии мусульманских обществ и, как следствие, отсутствие чувства индивидуальности современных мусульман (которые, кстати, и делают ислам духовно и социально «живым»).

Рассматривая Иран как безусловно мусульманское общество (и осознавая, что культура выступает детерминирующим фактором изменений), мы ставим своей задачей понять, каким образом и почему он в разные исторические периоды осуществлял разновекторные модернизации – либеральную и исламскую, и решить ряд сопряженных с этим вопросов. Являлись ли эти модернизации

идейно и политически безальтернативными? Какова роль шиитских улемов в политических процессах XX–XXI вв.? Есть ли у нас основания считать сегодняшний Иран современной политией и как видятся перспективы его развития?

Чтобы нормативный уклон (идеалтипический образ модерна) не застилал исследовательскую перспективу, сразу оговорим, что будем использовать понятия модернизации и развития синонимично, хотя это суживает значение последнего¹. Большинство политологов разделяют структурно-функциональный подход к развитию, соглашаясь, что его главными характеристиками выступают дифференциация политических структур и специализация ролей, повышающих производительность политической системы. По-прежнему актуальна идея Люциана Пая о возможности зафиксировать развитие на трех срезах политического процесса: участии граждан в принятии решений, способности системы находить решения возникающих проблем и усложнении организации политики. Таким образом, в нашем случае развитие (модернизация) трактуется как процесс движения к политической системе, способной справляться с растущим давлением среды и поддерживать свое функционирование с помощью современных политических институтов.

Чтобы избежать методологических ловушек, о которых говорилось выше, мы будем стремиться, насколько позволяют рамки статьи, проводить анализ формирования этих институтов с учетом исторического контекста и социокультурного значения.

Персия в XIX в.: Шах, улемы и реформы

С конца XVIII в. Иран (Персия) находился под властью тюркской династии Каджаров (1796–1925), воспринявшей персидские обычаи и язык. С точки зрения этнического состава в стране преобладали персы (более 60%). Около половины населения составляли сельские оседлые жители, а вторая половина поровну распределялась между горожанами и кочевниками, которые пользовались полной автономией [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза... 1898, с. 383–384]. Определен-

¹ Самюэль Хантингтон одним из первых отметил, что знак равенства между развитием и модернизацией ставить нельзя, постольку тем самым мы как бы отрицаем возможность развития несовременных систем (бюрократических империй, феодальных иерархий и др.).

ной самостоятельностью обладали городские кварталы и ремесленные цехи.

Центральная администрация представляла собой правительство двора. Министрами были либо выходцы из шахской семьи, либо лица, близкие к ней. Армия состояла из тюркской личной охраны и грузинских рабов. Режим Каджаров был слабо консолидирован и держался на сложной системе принуждения, подкупа и сделок.

Иран – религиозно-гомогенная страна: доля шиитов равнялась 90%, суннитов – 9, немусульман (парсы, армяне, евреи и др.) – 1% [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза... 1898, с. 383]¹. Шиизм был объявлен государственной религией в начале XVI в. при Сефевидах (1499–1722) и объединил не только персов, но и тюрок. Доминирующим направлением стал двенадцатиричный шиизм. Согласно доктрине, двенадцатый имам, будучи сокрытым, продолжает управлять мусульманской общиной, а его волю должны выполнять доверенные лица. Этот принцип был изначально чреват конфликтом легитимностей: на роль доверенных лиц всегда претендовали высшие шиитские авторитеты (улемы), а шахи не могли мириться с ролью их последователей, как предписывалось членам общины, и притязали на всю полноту власти.

С конца IX в., после сокрытия (исчезновения) двенадцатого имама, в шиизме стали возникать различные доктрины относительно источников религиозного знания. Преобладающими были две точки зрения: сторонники первой (*ахбариты*) полагали, что единственным источником религиозного знания и права могут быть «предания» (араб., *ахбар*), переданные со слов непогрешимых шиитских имамов, и что самостоятельные суждения несовместимы с их авторитетом. Вторые (*усулиты*) допускали умозрительную аргументацию и признавали четыре источника права (араб., *усуль аль-фикх*): Коран, Сунну, *иджма'* (согласное мнение исламских авторитетов по вопросам, не урегулированным в прямой форме Кораном и Сунной) и *'акль* (разум), что стимулировало развитие теологической науки и резко повышало влияние улемов [Ghazzal, 2008, p. 80–81]. При Каджарах возобладали усулиты,

¹ К настоящему времени религиозный состав страны практически не изменился: шииты – 89%, сунниты – 10, немусульмане – 1%. – [Middle East... 2001].

среди которых к XIX в. выделился высший слой – *муджтахиды*¹ со своей внутренней субординацией.

В истории Ирана положение улемов не было неизменным. Когда первый сефевидский шах Исмаил (1501–1524) объявил себя не только правителем государства, но и духовным главой шиитов, прямым потомком праведного халифа Али через седьмого шиитского имама Мусу аль-Казима [Алиев, 2002, с. 417], им пришлось смириться и занять подчиненную позицию. Но не так обстояло дело при Каджарах. Будучи кочевого происхождения, они остро нуждались в религиозной легитимации власти. Шахская элита заигрывала с верхушкой духовенства², предоставляя ей официальные должности, жалование, пенсии, земли, а также финансировала религиозные учреждения и боролась с суфийскими орденами и «еретическими» движениями, из которых наиболее мощными были восстания бабидов.

Для понимания логики политического развития Ирана важно обратить внимание на автономное положение шиитских авторитетов, которое обеспечивали доходы от вакфных земель, контроль над религиозными фондами, торгово-предпринимательская деятельность, поступления от верующих, а также расположение шиитских духовных центров вне Ирана – в священных городах эн-Неджеф, Кербела, аль-Казимейн и Самарра (Ирак). До начала политики реформ высшие улемы предпочитали избегать активного вмешательства в политические дела, уделяя основное внимание теологическим и духовным вопросам. Однако наиболее многочисленная прослойка духовенства низших степеней не боялась выражать недовольство злоупотреблениями власти.

¹ Муджтахид – лицо, имеющее право выносить самостоятельные суждения по вопросам богословско-правового комплекса; статус муджтахиды подразумевает знание определенного курса наук, безупречный нравственный и духовный облик, завоевание авторитета у шиитской верхушки и общины (через письменное распространение собственной интерпретации традиций ислама, толкование шариата, критические выступления, проповеди, дискуссии).

² По мнению Е.А. Дорошенко, в Иране в силу исторических особенностей установления шиизма клерикальная организация имела более выраженный церковный характер по сравнению с суннитскими странами, а статус шиитских улемов подпадал под определение духовенства [Дорошенко, 1998].

Поскольку шиизм в исламской традиции всегда был религией меньшинства и часто объединял под своими знаменами недовольных и обездоленных, у шиитов сформировались особое чувство сплоченности и готовность переносить испытания во имя веры, поддерживаемые преданиями о мученической гибели всех одиннадцати шиитских имамов. Мечеть в Иране всегда оставалась центром не только религиозной, но и общественной жизни. Мечети, как и дома особо почитаемых духовных лиц, имели по традиции статус неприкосновенности.

С XVIII в. Иран стал объектом экспансии России и Великобритании. Как и в Османской империи, проникновение европейцев и военные неудачи подвигли Каджаров на реформы – прежде всего армии и государственного управления. Первая попытка модернизации была предпринята при Насреддин-шахе (1848–1896). Реформы включали централизацию военной системы, укрепление государственного аппарата, ограничение юрисдикции улемов путем введения новых судов справедливости¹, упорядочение бюджета и некоторые социокультурные нововведения (училище светского типа, газета, больница).

Реформы, вызвав жесткое противодействие со стороны улемов и консервативных кругов шахского окружения, были свернуты, однако проведенные преобразования дали толчок развитию образования и просветительства. С 1858 г., когда было учреждено Министерство наук, стала практиковаться посылка лучших учащихся для продолжения обучения в Западную Европу. В 1870–1880-е годы были открыты школа по изучению иностранных языков, педагогическое и военное училища. В стране появился новый слой вестернизированных интеллектуалов.

Вместе с тем ни правительственные, ни «интеллектуальные» реформаторы не оказывали заметного воздействия на общество в целом. Новации интересовали очень небольшую группу чиновников двора, публицистов и немногочисленную буржуазию, которая появилась благодаря торговле с Западом. Шах, зависящий от русской и английской помощи и считавший государственные доходы

¹ Постепенно каджарские шахи (как и османские султаны) создали двойную юридическую систему, в которой улемы играли значительную роль как интерпретаторы мусульманского права, а государство поддерживало параллельную систему административной юстиции, основанной на обычае.

личной собственностью, не имел серьезного стимула искать независимый путь развития. Племена сопротивлялись централизации управления, а улемы – секуляризации. Эти факторы обусловили неудачу дальнейших попыток реформ.

В последней трети XIX – начале XX в. европейское присутствие значительно расширилось. Прямой иностранный контроль над Ираном установлен не был, но де-факто он превратился в полуколонию России и Великобритании, что вызывало широкое общественное недовольство.

Распространение идей либерального конституционализма и политический кризис 1905–1911 гг.

В конце XIX в. в Иране сформировалась прослойка образованной молодежи, воспитанной на переводах произведений западного, в первую очередь французского, просветительства [Дорошенко, 1998, с. 59], действовали оппозиционные тайные общества, среди членов которых распространялись идеи конституционализма. В целом воззрения иранских просветителей-модернистов (Мирзы Мальком-хана, Мирзы Ага-хана Кермани, Арефа Казвини и др.) отличались дуализмом: призывы к либеральным реформам, европейскому прогрессу, современному государству в силу англо-русского диктата сочетались с выраженным антизападничеством, подчеркиванием культурного превосходства Ирана над соседями и призывами к паниранизму.

Еще одной формой проявления роста национального самосознания стали движения самоопределения народов Ирана, особенно в Азербайджане, Курдистане и Гиляне. В 1900-х годах в Тебризе при активном участии бакинских социал-демократов была основана социал-демократическая партия, куда влились многие рабочие-отходники.

Идеи мусульманского реформатора Джамаль ад-Дина аль-Афгани, который в 1880–1890-х годах неоднократно бывал в Иране, сыграли большую роль в привлечении к участию в тайных обществах духовенства. Либерально настроенные улемы поддержали идею об ограничении власти правителя консультативным советом (араб., аш-шура), упоминающемся в Коране как принцип взаимных консультаций членов общины для утверждения истины и установления спра-

ведливости. Их политический союз с прогрессивной интеллигенцией имел беспрецедентный характер в мусульманской истории, хотя, конечно, далеко не все они были идейными сторонниками конституционализма. Одни понимали парламент как традиционный исламский суд справедливости, другие полагали конституционализм формой ограничения тирании шаха, третьи видели в нем путь институционализации собственной власти.

Агитация в пользу конституции достигла своего пика в 1905–1906 гг. Ухудшение экономического положения страны и назначение иностранцев на влиятельные посты вызвали широкие протесты в Тегеране и других городах. Торговцы и ремесленники покидали базары, видные улемы издавали фетвы и использовали «тактику беста»¹, требуя отставки главы правительства и созыва «дома справедливости» для разбора жалоб мусульман на основе закона. «Снизу» шло формирование революционных советов (*энджоменов*).

Летом 1906 г. шах Мозаффар эд-Дин был вынужден подписать указ о созыве парламента². 30 декабря 1906 г., за несколько дней до его смерти, была принята первая иранская конституция (Основной закон) [Fundamental law, б.г.], которая официально оставалась в силе до 1979 г. Она содержала ряд общих положений о созыве, составе, порядке работы и роспуске парламента (Национального консультативного совета). Предусматривалась верхняя палата – Сенат³. Совет был наделен законодательной властью, правами законотворческой инициативы, утверждения международных договоров и концессий, контроля над национальными ресурсами, налогами, правительственными расходами и бюджетом (что было одной из основных целей конституционалистов). Провозглашались равенство всех жителей страны перед властью и законом, свобода прессы и ассоциаций, светское обучение (наряду с религиозным).

¹ Укрытие в убежище, пользующемся статусом неприкосновенности (мечеть, иностранное посольство).

² Избирательный закон предусматривал избрание 156 депутатов на двухлетний срок из представителей всех сословий, включая духовенство; в 1909 г. число депутатов было снижено до 120, отменено разделение населения по группам, смягчены имущественные требования и снижен возраст избирателей (с 25 до 20 лет) [Elections. Iran under the Qajar... б. г.].

³ Не был образован до 1950 г.

Однако обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. Во всех провинциях отмечались вакуум власти и грабежи, шах и губернаторы атаковали *энджомены* в столице и провинциях. На севере страны сформировались отряды *федаев* – вооруженных защитников конституции и парламента.

В 1907 г. было принято Дополнение к Основному закону [Supplementary... б.г.], которое стало наиболее важной его частью. Ст. 26 декларировала принцип народного суверенитета («власть государства исходит от народа»), а ст. 27 – принцип разделения властей. Законодательная власть была закреплена за шахом и парламентом, *энджомены* получили некоторые административные и совещательные полномочия. Шах провозглашался главой исполнительной власти и верховным главнокомандующим. Депутаты получили право вынесения вотума недоверия как отдельным министрам, так и кабинету в целом.

Одновременно ст. 1 объявляла ислам шиитского толка официальной религией, ст. 2 гласила, что законы не должны входить в противоречие со священными принципами ислама. Предусматривалось создание в парламенте особого комитета из не менее чем пяти *муджтахидов*, которые наделялись правом отвергать законы, противоречащие исламу, вплоть до появления сокрытого имама. Был сохранен дуализм судебной системы (шариатские и гражданские суды). Пресса, ассоциации и образование должны были соответствовать духу ислама (ст. 18, 21).

Принятие конституции не привело к разрешению кризиса. В 1907 и 1908 гг. шах силой распускал парламент. В 1909 г. вступление в Тегеран революционных отрядов привело к его низложению и передаче власти малолетнему сыну. Конституционалисты вновь взяли власть, но во второй конституционный период (1909–1911) коалиция между либеральными реформаторами и улемами начала разваливаться из-за противоречий по поводу роли ислама, земельной реформы и системы образования. Среди депутатов выделились два лагеря – умеренно-либеральный и демократический, которые стали считаться партиями [The Cambridge history of Iran... 1991, p. 206].

Вмешательство западных держав и прежде всего России в 1911 г. привело к новому роспуску парламента и подавлению революции. В 1912 г. шахский режим признал действенной англо-

российскую конвенцию 1907 г. о разделе сфер влияния в Иране на российскую (северную), английскую (юго-восточную) и нейтральную (центральную) зоны, заморозив политический кризис.

События 1905–1911 гг. привели тем не менее к значительным политическим изменениям: началось формирование и освоение современных политических институтов, появился опыт массового политического участия. Сама революция в отличие от мятежей и восстаний прошлого также была явлением современным: она установила связь между различными движениями протеста, воздействовала непосредственно на политический центр, была организованной и имела идейную основу. Ее достижениям способствовали слабость центральной власти и высокий уровень организации среди улемов, племен, гильдий и локальных сообществ.

Авторитарная модернизация Пехлеvidов (1925–1941): Разворот к секулярному национализму

В Первую мировую войну Иран соблюдал нейтралитет, но на его территории решали свои военно-стратегические задачи Россия, Османская империя, Великобритания и Германия. Внутриполитические проблемы Ирана усугубляли неуравновешенность нового молодого шаха, частая смена правительств, восстания племен и этнический сепаратизм.

Внешний фактор продолжал непосредственно определять политику страны. После большевистской революции 1917 г. позиции Великобритании стали доминирующими: по соглашению 1919 г. она получила новые политические и экономические рычаги влияния. С другой стороны, Советская Россия поддерживала освободительные движения в Гиляне и Азербайджане и коммунистические организации в Тебризе и Тегеране (в 1920 г. в Иране была образована коммунистическая партия). В 1921 г. РСФСР заключила с Ираном весьма выгодный для него договор о дружбе и вывела войска из Гиляна.

В феврале 1921 г. в результате правительственного переворота в Иране после долгого периода финансового и административного хаоса появилось сильное правительство. Командир персидской казачьей бригады Реза-хан стал военным министром и получил ключевые позиции в руководстве.

Признанный народом как политический лидер, он постепенно становился воплощением духа национальной гордости и самоуверждения. Ему удалось реорганизовать армию и подавить основные сепаратистские движения и выступления племен. К 1925 г. всесильный министр заставил парламент провозгласить себя главнокомандующим. Какое-то время он по примеру Мустафы Кемалия склонялся к идее республики, но эта идея вызвала в шиитском обществе сильную оппозицию. Тогда, опираясь на созданную им партию «Таджеддод» («Обновление»), Реза-хан добился согласия парламента на низложение династии Каджаров и созыв Учредительного собрания, которое провозгласило его шахом – основателем новой династии Пехлеви.

Взяв фамилию Пехлеви (фамилии, как и в Турции, стали обязательными для всех иранцев, а титулы были отменены), шах символически связал себя с древним доисламским Ираном: Карин-Пахлеvidы (Пехлеви) были одним из знатнейших аристократических семейств Персии, по легенде ведущих свое происхождение от Аршакидов, царей Парфии (*пахлав* на среднеперсидском языке означает «парфянин»). Это слово пробуждало и другие исторические ассоциации: парфянский период был ознаменован победами над греками и римлянами [Ahsan, 1996, p. 1534–1535].

Стремясь преодолеть отставание от западных держав, новый шах приступил к форсированной модернизации. Его реформы были типичными: централизованная администрация, сильная армия¹, заложение основ индустриальной экономики, введение европеизированных образовательной и правовой систем.

Опираясь на армию и бюрократию, ведущих акторов модернизации традиционных обществ, шах преодолел оппозицию улемов, купцов и племенных вождей. Он лишил парламент самостоятельности, запретил коммунистическую партию и профсоюзы, ввел цензуру над прессой.

Необходимую политическую поддержку ему оказали землевладельцы, которые выиграли от новых земельных законов 1928–1929 гг., легализовавших фактическое владение землей. Власть

¹ На военные цели ежегодно уходило до 33% правительственных расходов; в частности, офицерский корпус проходил подготовку во Франции [Lapidus, 2002, p. 477].

племенных сообществ и ханов, традиционно игравших роль «третьей силы» в конфликтах между правителями и религиозными кругами, была ликвидирована благодаря насильственному переводу их на оседлость.

По позициям улемов, первоначально поддержавших нового лидера в интересах борьбы с иностранным господством, были нанесены два мощных удара – на образовательном и судебном направлениях. Реза-шах создал светскую систему образования, включавшую многочисленные технические училища, и поставил религиозные школы под контроль государства. В 1928 г. шах ввел новые юридические кодексы, которые, включив в себя и западные, и мусульманские правовые нормы, вытеснили шариат. В 1930-х годах судебная система была полностью перестроена по французскому образцу [Lapidus, 2002, p. 477–478].

Одновременно создавалась инфраструктура современной экономики: таможенная и налоговая службы, банки, транспорт и связь. Поскольку частный сектор был слабым, а землевладельцы не имели мотивации для долгосрочных инвестиций, государство было вынуждено взять на себя роль спонсора многочисленных промышленных проектов, связанных в первую очередь с развитием импортзамещающих отраслей. В рамках протекционистского курса Иран стремился нейтрализовать влияние Великобритании и России, используя немецкие инвестиции и техническую помощь. Благодаря реформам в иранском обществе возник небольшой слой людей с современным мышлением и образованием.

Реформы шаха можно считать секулярными в том смысле, что они имели целью ослабить роль ислама в культурной сфере. Легитимировать этот процесс было призвано возрождение интереса к персидской истории и литературе. Персидский язык очищался от иностранных заимствований, рассматривались (но не были осуществлены) проекты перехода на латиницу по примеру Турции. Акцент на арийство, которое было заимствовано из западных концепций арийского мифа, активно поддерживался Германией, стремившейся упрочить свои позиции в стране. В 1935 г. название «Персия» было официально изменено на «Иран»¹. Идея о превос-

¹ Название «Иран» образовано от этнонима *arya*, который относится к индоевропейским племенам, проникшим на территорию Ирана во II тыс. до н.э.

ходстве арийцев над другими народами легла на подготовленную почву и вполне отвечала концепции «великого Ирана в границах Сасанидского государства»¹.

Реза-шах стремился и к активному участию в международных процессах, включая членство в Лиге Наций. В 1937 г. в Тегеране (при содействии Великобритании) был заключен Саадабадский пакт (Ближневосточная Антанта).

Нападение Германии на СССР резко изменило политическую ситуацию в Иране и вокруг него. В соответствии с договором 1921 г. на север страны были введены советские войска; Великобритания оккупировала юг. Известный своим прогерманским курсом Реза-шах был вынужден передать власть сыну Мохаммаду (1941–1979) и покинуть страну.

Иран после Второй мировой войны: Упущенная возможность либеральной трансформации

Ни одна из держав-оккупантов не интересовалась в период войны политической ситуацией в стране, сосредоточившись на решении военно-стратегических задач. Личные и политические позиции нового шаха в период 1941–1953 гг. были в достаточной степени слабы [Дорошенко, 1998, с. 142]. Это имело результатом частичное восстановление конституционных норм и либерализацию режима: за короткий период в Иране сформировалось более десятка различных партий, появились рабочие профсоюзы, газеты и журналы разного толка. Наиболее влиятельными партиями были буржуазно-либеральная партия «Иран», Демократическая партия Ирана, националистическая «Ватан» («Отечество», с 1944 г. – Партия народной воли), а в Азербайджане и Курдистане – коммунистическая «Туде» (Народная партия), Демократическая партия Азербайджана (ДПА), Комитет возрождения Курдистана [История Востока... 2008, с. 371]. Активизировалось и духовенство. Были созданы нелегальная террористическая организация «Федаяне ислам» («Поборники ислама») и более умеренная «Моджахедине ислам» («Сторонники ислама») антиимпериалистического и анти-

¹ Империя Сасанидов (вторая персидская империя) существовала с 226 по 651 г. Сасаниды называли свою державу Эраншахр – «Государство иранцев (ариев)».

коммунистического характера. С 1950 г. стала функционировать верхняя палата – Сенат.

После 1945 г. главным патроном иранского режима стали США. С американской поддержкой Ирану удалось осуществить территориальную консолидацию: добиться вывода советских войск из Южного Азербайджана, подавить сепаратистские движения (в конце 1945 г. при содействии СССР были провозглашены автономные республики в Азербайджане и Курдистане) и сорвать ратификацию соглашения о создании совместной советско-иранской нефтяной компании. «Туде» и Демократическая партия Азербайджана были запрещены.

Важным элементом укрепления государственности стала для Ирана борьба за ликвидацию Англо-иранской нефтяной компании (АИНК), развернувшаяся на фоне деколонизации Британской Индии. В 1949 г. был создан Национальный фронт (НФ) во главе с известным политиком, депутатом Мохаммадом Мосаддыком. Широкую поддержку масс и особенно городских и сельских мулл ему обеспечил союз с влиятельным аятоллой Сейидом Кашани, выступавшим против западного влияния и секуляризма. Как и те улемы, которые поддержали первую иранскую революцию, он считал, что ислам и политика неразделимы и что духовенство не должно устраняться от решения государственных вопросов [Дорошенко, 1998, с. 144].

В 1951 г., став премьер-министром, Мосаддык провел через парламент законопроект о национализации нефтяной промышленности. За этим актом последовала жесткая внешнеполитическая борьба: западные державы объявили бойкот иранской нефти. Экономика, лишенная главного источника дохода, разваливалась, что вызвало народные выступления и столкновения противоборствующих группировок (сторонников Мосаддыка, монархистов, консерваторов, левых радикалов).

Мосаддык получил от парламента чрезвычайные полномочия, которые позволили ему сбалансировать бюджет и приступить к реформам. Такие шаги, как расширение базы налогообложения лиц с высокими доходами и перераспределение части помещичьей доли урожая в пользу крестьян и создаваемых аграрных банков, вызвали дезинтеграцию широкой и крайне неоднородной коали-

ции премьера¹. Между аятоллой Кашани и кабинетом, не желавшим участия духовенства в управлении страной, произошел раскол. В борьбе за власть ЦРУ совместно с английскими спецслужбами помогло шаху и армии отстранить Мосаддыка.

Нефтяной спор был разрешен в 1954 г. путем образования Иранской национальной нефтяной компании (ИННК) и западного консорциума, включавшего АИНК (с 1954 г. – «Бритиш петролеум») и другие фирмы; роялти Ирана были увеличены, но консорциум удержал контроль над ценообразованием и сбытом нефти. В итоге переворота Иран утратил представившуюся возможность либерально-демократической трансформации режима и укрепления конституционализма.

Восстановление автократии и модернизационный проект Мохаммада Реза-шаха

Переворот 1953 г. и введение военного положения положили конец периоду открытой политической конкуренции. Режим личной власти шаха был восстановлен, силовые структуры реорганизованы. В 1955 г. Иран вступил в Багдадский пакт (с 1959 г. – СЕНТО). В 1957 г. с помощью ЦРУ и некоторых других иностранных спецслужб была создана Национальная организация разведки и безопасности (САВАК), которая в первую очередь занималась контролем над политической оппозицией.

В целях политической стабилизации в 1957 г. было отменено военное положение и разрешена деятельность ранее созданных либеральных партий. «Сверху» было инициировано образование двухпартийной системы – партии власти «Меллиун» («Националисты») и партии лояльной оппозиции «Мардом» («Народ»), что позволило шаху контролировать выборы. Благодаря внесению изменений в конституцию (1957 г.) он получил право роспуска парламента, назначения премьер-министра (с утверждением парламентом) и отлагательного вето. Экономическая система в этот период начала эволюционировать в сторону децентрализации и поощрения частного предпринимательства. Иран отказался от же-

¹ Наряду с частью улемов, торговцами, интеллигенцией и др. Мосаддыка поддерживала марксистская партия «Туде».

сткого протекционизма и открыл двери иностранному импорту и капиталу [История Востока... 2008, с. 374]. США в соответствии с доктриной президента Кеннеди о «перехвате революций путем опережающих реформ» оказывали Ирану значительную финансовую помощь.

Ключевым моментом преобразований 1960-х годов (так называемой «белой революции») стала аграрная реформа, ограничившая помещичье землевладение и землепользование. Из-за сопротивления шиитских авторитетов (реформа затрагивала вакфные угодья) и парламента аграрный закон пришлось принимать путем референдума (1963).

На референдуме были одобрены и другие важные законы: о продаже государственных предприятий для финансирования аграрной реформы, об участии рабочих в прибылях предприятий, о предоставлении женщинам права голоса и допуске к государственной службе. Ударом по традиционным позициям улемов в системе образования стало решение о создании Корпуса просвещения¹. В решение социально-политических и экономических задач активно вовлекалась армия – при снижении ее роли в поддержании общественного порядка. В 1971 г. был создан Корпус веры как организация, призванная вывести религиозное образование на уровень задач «белой революции» и сдержать влияние на население оппозиционных шиитских лидеров.

В результате выборов 1963 г. большинство мест в парламенте заняли сторонники реформ, которые сформировали партию «Иране новин» («Новый Иран»). Роль легальной оппозиции осталась за партией «Мардом». «Туде» и национально-либеральные партии были устранены с политической сцены с помощью САВАК, движения этнических меньшинств за региональную автономию подавлены. Оппозиционная деятельность переместилась за границу. В 1975 г. партийная система была преобразована в однопартийную.

Социально-экономические результаты реформ «белой революции» были настолько противоречивыми, что их не смогли амортизировать прогрессивные социальные нововведения (соци-

¹ Имеющие среднее и высшее образование новобранцы были задействованы в борьбе с неграмотностью, профилактических медицинских мероприятиях, строительстве и др. [Army v. Pahlavi Period... б. г.].

альное страхование, закон о труде, расширение прав женщин в семье, открытие доступа к бесплатному образованию, включая высшее). Аграрная реформа, вектором которой было создание крупного агробизнеса, привела не только к интенсивной миграции «лишнего населения» в город, но и к отставанию темпов роста сельскохозяйственного производства от роста продовольственного потребления, поскольку новые собственники не обладали необходимыми капиталом, технологиями, инфраструктурой и знаниями.

Участие в мировой капиталистической системе заставило Иран страдать от ее болезней, не получая выгод вследствие низкой конкурентоспособности промышленного производства. В совокупности экономические факторы (снижение сельскохозяйственного производства на душу населения, неэффективная промышленность, огромные затраты на импорт вооружений и потребительских товаров, нефтяной бум 1970-х годов) привели к очень высокой инфляции и снижению уровня жизни для всех иранцев, не вовлеченных в современный (главным образом нефтяной) сектор экономики.

В идеологической сфере вновь возобладал национализм, в конструкте которого слава древних персидских династий затмевала более близкую исламскую историю. Его центральной идеей было провозглашение «вечной ценности» монархии как символа иранского духа.

Исламская оппозиция и альтернативные модели политического развития

Идейно-политическая независимость от духовенства в 1970-х годах стала характерной чертой шахской политики. Между тем в среде мусульманских интеллектуалов, включая улемов, шли активные поиски альтернативной модели развития.

В 1965 г. группа религиозных реформаторов основала в Тегеране общество «Хусанийе-и иршад». Такие общества в память мученичества имама Хусейна были популярны в Иране и занимались организацией лекций, дискуссий, семинаров и публикаций на религиозные темы. Одним из его участников стал исламский модернист Али Шариати (1933–1977), лекции которого пользовались невиданной популярностью у молодежи и студенчества. Уроженец Ирана, он получил докторскую степень по социологии в Сорбонне

и испытал влияние таких философов и социологов, как Маркс, Гегель, Дюркгейм, Сартр и Фанон. Его взгляды отличались эклектизмом и противоречивостью, но это не стало препятствием для их широкого распространения в левых кругах. Во многом его подходы к общественному устройству и демократии были созвучны позициям известного мусульманского реформатора Мухаммада Икбала (1973–1938), который полагал ислам целостным вероучением, превосходящим и капитализм и коммунизм. Сторонник представительного правления и широкого политического участия, Икбал верил в нераздельность ислама и политики. По его мнению, без религии невозможно постичь духовный смысл Вселенной, осуществить духовное освобождение человека и переустроить человеческое общество на основах равенства, солидарности и свободы [Iqbal, б. г., p. 86].

Шариати, с одной стороны, был глубоким мыслителем-индивидуалистом, пытающимся осознать истину и Бога во Вселенной, с другой – публичным деятелем, понимавшим шиизм не только как религию, но и как универсальную революционную идеологию протеста и освобождения, призванную быть «посреди Востока и Запада». Он утверждал, что только в общей борьбе за возвращение к «Корану [праведного имама] Али» и социальную справедливость люди могут становиться не просто философами или благочестивыми людьми, но [подлинными] мусульманами [см.: Shari'ati, 1986, p. 45–67]. Его концепция демократии связана с особой ролью лидерства (имамата) в мусульманском сообществе. Имамат, согласно его взглядам, зависит не от выбора, а от признания: «В демократии народ является источником власти, и он решает, а правительство – посредник между лидером и народом. В исламе связующим звеном между народом и имамом является [религиозная] истина. Люди не решают, но признают... Имам не должен быть демократом в формальном смысле этого слова. Он не обязан действовать в соответствии с пожеланиями членов общины... Наиважнейший долг имама – вести умму самым прямым и действенным путем к совершенству, даже если это будет означать большое испытание для общества» [цит. по: Dorraj, 2002, p. 148]. Размышляя о судьбе будущей исламской революции, мыслитель предупреждал об опасности захвата власти клерикалами, далекими от общественных интересов [Shari'ati, б. г.].

Также модернистом и религиозным лектором, но уже либеральным, был Мехди Базарган (1907–1994), который сразу после исламской революции на короткое время встал во главе правительства страны. В отличие от Шариати, который подчеркивал приоритет сообщества и коллективного действия, Базарган делал акцент на неприкосновенность индивида и индивидуальных прав, в том числе религиозных. Исламские предписания и убеждения рассматривались как вопрос личных ценностей; государство должно было их регулировать, но не устанавливать моральные нормы законодательно и не преследовать людей на основе подразумеваемого «религиозного отклонения».

Базарган был сторонником народного суверенитета, плюрализма и полагал синтез ислама и демократии наиболее желательной формой правления: «Совершенно правильно и даже необходимо, чтобы парламент исламской страны состоял из народных представителей, которые знакомы с доктриной ислама, богобоязненны, рассудительны, предусмотрительны и достойны доверия... Управление страной в соответствии с Кораном должно быть основано на принципе *шуры* [взаимных консультаций]... Верховное наставничество законоведа должно осуществляться таким образом, чтобы не попирались достоверность ислама и свобода человека» [Bazargan, 1998, p. 78–79]. В 1977 г. он участвовал в создании Общества прав человека для защиты демократических прав оппозиции, а позднее, в 1984 г., основал Общество защиты свободы и суверенитета иранского народа и выступил за разделение религии и политики. Другим известным представителем либерального направления был аятолла Махмуд Талегани (1911–1979).

В начале 1960-х годов одну из оппозиционных группировок, возбуждавших антиправительственные протесты, возглавил аятолла Сейид Рухолла Мусави Хомейни (1900–1989), получивший традиционное шиитское образование. В 1964 г. за свою деятельность он был выслан из Ирана, но его лекции, записанные на кассеты, имели широчайшее распространение: они обсуждались на теологических семинарах и прослушивались даже в мечетях. Хомейни и его приверженцы осуждали диктатуру шаха, требовали положить конец коррупции и расточительству политической элиты, сближению с США и Израилем. В ссылке в эн-Неджефе он имел тесные связи с высшими иракскими шиитскими улемами, в том числе аятоллой

Мухаммадом Бакром ас-Садром (ум. 1980), основавшим еще в конце 1950-х годов Партию исламского призыва. Ас-Садр разработал и проект конституции исламской республики, в которой был обоснован принцип правления высшего шиитского авторитета как заместителя или представителя сокрытого имама (перс., *веляят-е факих*). В 1971 г. Хомейни опубликовал работу «Исламское правление», где объявил монархию «изначально нелегитимным институтом» и развил идею исламского правления как власти божественных законов над людьми. По его мнению, правление и Пророка, и праведного имама Али являлось теократическим, и долг верующих – воспроизведение этого образца ради спасения мусульманского сообщества.

В период отсутствия сокрытого имама праведный *факих* обладает авторитетом, равным авторитету Посланника и имамов, хотя уравнен с ними не в святости, а в функциях по руководству страной [см.: Хомейни, 1993, с. 39–45]. Поскольку Хомейни имел высший для аятолл ранг («образец для подражания», перс., *марджа'-е таклид*), его указания и решения были обязательными для последователей, что многократно усиливало его харизму.

К середине 1970-х годов, несмотря на ужесточение политического контроля и мер безопасности, в Иране активизировались экстремистские группировки как марксистского, так и религиозного толка («Моджахедине ислама»).

Народная революция 1978–1979 гг. и формирование системы «религиозного народовластия»

С первой половины 1960-х до второй половины 1970-х годов темпы экономического роста Ирана были одними из самых высоких в мире, однако население не смогло адаптироваться к стремительным социально-экономическим изменениям и жесткому авторитарному режиму. Антишахский фронт был очень широк и включал и «лишних людей» (крестьяне, ремесленники, духовенство, мелкие торговцы), и либералов, и сторонников революционно-коллективистской модели развития, и этнические меньшинства, права которых были принесены в жертву «единой иранской нации». Попыткой преодолеть кризис стала народная революция 1978–1979 гг., которая началась со стихийных антиправительственных выступлений, переросших в многомиллионные волнения. Армия, которую

глубоко затронул процесс социального расслоения, не могла быть использована для восстановления порядка, а обещания демократизации запоздали. Шах был вынужден покинуть страну в январе 1979 г.

В феврале того же года в Иран из Франции вернулся аятолла Хомейни, который, опираясь на своих сторонников, сумел дать революции организационные рамки¹ и идеологию. 1 апреля 1979 г. Иран по результатам референдума был провозглашен Исламской Республикой.

Обеспечив поддержку в Совете экспертов, избранном народом для разработки новой конституции (принята на референдуме в декабре 1979 г.), аятолла Хомейни сделал принцип *веляят-е факих* основой политической системы, получившей определение «религиозного народовластия». В соответствии со ст. 5 конституции верховный лидер (*рахбар*) осуществляет руководство *уммой* и управление делами правоверных в период отсутствия сокрытого имама [The Constitution of the Islamic Republic... б. г.].

Другим важным религиозно-политическим органом стал Наблюдательный совет (НС), или Совет по наблюдению за исполнением конституции, из 12 человек, созданный для установления соответствия одобренных парламентом законопроектов исламским предписаниям и для выполнения контрольных функций в ходе выборов. Одна половина его членов назначается *рахбаром*, другая – избирается парламентом по представлению главы судебной власти.

Республиканскими «двойниками» *рахбара* и НС стали все-народно избираемые президент и парламент (основания для роспуска парламента конституцией не предусмотрены). Судебная система была исламизирована, но шариат не стал официальным законом страны. Судебная власть является независимой ветвью, которую возглавляет *муджтахид*, назначаемый верховным лидером. Наряду с ним действует министр юстиции, который курирует все проблемы, связанные с отношениями судебной власти с исполнительной и законодательной ветвями.

¹ В преддверии возвращения аятоллы Хомейни были созданы параллельные органы власти – Исламский революционный совет (законодательный орган) и Временное революционное правительство; после падения правящего режима для ведения политической и военной борьбы были основаны Партия Исламской Республики и Корпус стражей исламской революции.

Широкие административные, полицейские и идеологические полномочия получила такая военно-политическая организация, как Корпус стражей исламской революции (КСИР); возможно, его существование восполнило отсутствие сильной массовой партии.

Аятолла Хомейни, став лидером страны, столкнулся с рядом серьезнейших проблем: экономический кризис, санкции США и ЕЭС, сепаратистские движения, противоречия среди духовенства, терроризм, война с Ираком и др. Критическая ситуация потребовала жесткой консолидации власти (создание революционных трибуналов, фактический запрет партий, исламизация властных структур). Провозглашение «исламской культурной революции» привело к кадровым чисткам, пересмотру образовательных и культурно-информационных программ, возрождению мусульманских традиций. Отряды КСИР строго следили за соблюдением исламских норм поведения и одежды. Новое Бюро исламской пропаганды стремилось пробудить революционный дух в других мусульманских странах, реализуя тезис Хомейни об «экспорте исламской революции».

В экономической сфере была проведена национализация, укреплены государственный сектор и государственное регулирование, включая контроль над ценами. Одновременно поощрялось мелкое и среднее предпринимательство. В комплексе эти меры позволили удовлетворить минимальные потребности населения в условиях войны и санкций. Значительно усилило свои экономические позиции духовенство. Новым элементом социально-экономической политики стали исламские фонды, модернизированный вариант вакфов, направляющие часть доходов на помощь беднейшим слоям. Более равномерным, главным образом за счет распределительных функций государства, стало и распределение доходов [История Востока... 2008, с. 395–396].

После окончания войны с Ираком развитие экономики явилось главным фактором выживаемости режима. Хомейни подчинил идеологические принципы государственным интересам, создав Совет по определению государственной целесообразности, задачей которого стало улаживание разногласий между парламентом, правительством и НС. Поставив во главу угла понятие целесообразности, он не только укрепил государство, но и «примирил» религиозно-идеологическую норму и рациональность.

Принцип целесообразности сделал шиитских аятолл одновременно фундаменталистами и модернистами. Чтобы преодолеть послевоенный упадок, президент Али Акбар Хашеми-Рафсанджани (1989–1997) усилил объем своих полномочий за счет упразднения поста премьер-министра и выступил за экономическую либерализацию и расширение экономических и политических свобод. Была начата приватизация, в производственную и общественную сферы стали вовлекаться женщины. Свидетельством увеличения экономического потенциала явился рост ВВП среднегодовыми темпами 3,7% (1989–1999) и 5,4% (1999–2009) со снижением до 1,8% в 2009 г. в результате мирового финансового кризиса [Iran, Islamic Rep... б. г.].

Во второй половине 1990-х годов в политической сфере ИРИ проявились тенденции к демократизации. Как правило, их связывают с именем президента Мохаммада Хатами (1997–2005), но демократический потенциал несет в себе и сама республиканская система страны с такими по сути современными институтами, как парламент, выборы (в том числе, по особой процедуре, *рахбара*), партии, независимый суд, гражданские свободы. Выборы носят альтернативный характер. Когда в 1988 г. из-за внутренних разногласий была распущена официальная Партия исламской революции (ПИР), в стране возникло множество политических организаций, в основном в форме религиозно-политических группировок. В настоящее время их число по-прежнему велико (более ста), что свидетельствует о продолжении процесса дифференциации элит.

Хатами открыл новое направление в иранской политической мысли. Он фактически поборол «детскую болезнь левизны», выраженную в концепции «экспорта революции», и обосновал идею широкого диалога как среди иранцев, так и на международном уровне. Его идея «исламского гражданского общества», восходящего исторически и теоретически к Медине времен Пророка и основанного на коллективном достоинстве и уважении прав мусульман, в перспективе позволяет преодолеть рамки видения как «классических» исламских фундаменталистов, так и «классических» модернизаторов, нацеленных на заимствование западных политических и экономических институтов [см.: Хатами, 2001].

В современном Иране продолжается противостояние между консерваторами и реформаторами¹, принимающее форму и уличных выступлений, и громких отставок, и показательных судебных процессов над «отступниками». На президентских выборах 2005 и 2009 гг. победу одержал консерватор Махмуд Ахмадинежад, поддерживаемый религиозным руководством.

Заключение

Иранская народная революция стала кульминацией почти 200-летнего противостояния между государством и шиитским духовенством. В XIX в. слабость государственной власти и сила племенных и этнических сообществ содействовали консолидации корпорации улемов, которая могла составить оппозицию режиму и осуществить массовую мобилизацию. В XX в. ликвидация шахом автономной власти племенных сообществ, игравших роль «третьей силы» в конфликтах между властью и религиозным истеблишментом, привела к поляризации сил по оси «государство – улемы».

Как показывает политический анализ, отношения между этими полюсами развивались неоднозначно. В шиизме (как и в исламе в целом) сложились две позиции: пассивная (квиетизм) и активистская. С одной стороны, для *муджтахидов* характерны претензии на духовное лидерство и единственно легитимную власть в период отсутствия сокрытого имама. С другой стороны, признание несправедливости мира и ожидание спасения с приходом мессии препятствуют их включению в общественную жизнь. Обе иранские революции, таким образом, были не порождением «перманентной» революционной активности шиитских улемов, но результатом специфической комбинации политических и экономических факторов, обусловивших приоритет активизма, латентно присутствующего в культурной традиции. Собственно, и голос «непримиримости» или «аккомодации» нынешнего режима определяется изменениями социально-политических условий: аятолла

¹ Многие исследователи применительно к Ирану ставят слова «реформаторы» и «консерваторы» в кавычки, чтобы подчеркнуть условность выделения этих групп в рамках поддерживаемого всеми сторонами исламского курса.

Хомейни называл США «большим Сатаной», президент Хатами говорил о «великом американском народе».

Современный иранский режим нельзя рассматривать только как теократический. Он совмещает исламские идеи с основами демократии как процедурной формы и демонстрирует способность к эволюции, активно отстаивая национальные интересы, особенно в области внешней политики, ядерной программы и экономики. Интересы развития стимулируют экономические преобразования, включая приватизацию, создание небольшой группы частных банков, привлечение и защиту иностранных инвестиций [см.: Мамедова, 2005]. Рост современных технологичных секторов неизбежно влечет за собой изменения социальной структуры и углубление дифференциации, однако смягчать неблагоприятные последствия реформ позволяет разветвленная система социальной защиты и здравоохранения, отвечающая нормам исламского общества. При этом, как и во времена шаха, правящая элита опирается на сильную бюрократию и военизированные институты.

Исламский режим, осуществляющий «священно-коллективистскую» (Дэвид Аптер) модернизацию, неизбежно обнаруживает тенденцию к энтропии жестких религиозно-политических символов и норм вследствие усложнения социально-политических институтов и нарастания психологической усталости населения. Однако в случае Ирана поддержанию национальной консолидации активно способствуют внешнеполитические факторы (санкции, причисление к разряду «изгоев», военные угрозы и др.).

Тесный союз религии и политики тревожит ряд высших религиозных деятелей, которые осознают, что исламское руководство вынуждено нести ответственность за политические трудности и неудачи. Между тем в Иране существует множество сложнейших проблем, обусловленных и структурными проблемами экономики, и затратными социальными и экономическими проектами, и жестким внешнеполитическим курсом. Политическими волнениями были отмечены президентские выборы 2009 г., официальные результаты которых оспорила «реформаторская» оппозиция.

Интересы сохранения позиций ислама в обществе могут потребовать дистанцирования улемов от непосредственного политического руководства. Принцип «духовенство выше политики» в недавнем прошлом был выдвинут аятоллой Мохаммадом Каземом

Шариатмадари (1905–1986), духовным лидером Мусульманской народной республиканской партии. По его мнению, любую систему, даже морально оправданную, люди должны свободно выбирать сами, и демократическое правление вполне совместимо с принципом *«велайат-е факих»*. Аятолла Хосейн-Али Монтазери (1922–2009), получивший репутацию оппозиционера, также не считал клерикальную иерархию необходимым элементом исламского государства. Религиозная компетентность, по его мнению, не должна основываться на политических и революционных заслугах (последнее замечание имеет непосредственное отношение к руководству Али Хаменеи, который до 2009 г. не имел высшего ранга *«марджа'-е таклид»*). В последнем случае иранский истеблишмент непосредственно столкнулся с очень серьезной проблемой выбора верховного лидера как лица, обладающего и безусловным авторитетом для верующих, и необходимыми политическими качествами.

Мы постарались показать, что развитие Ирана зависит не столько от религиозной догмы, сколько от реальных комбинаций политических и социально-экономических факторов и людей, определяющих ту или иную интерпретацию священного текста. Можно ли считать современный Иран современным? Да, если признать право его граждан-мусульман на собственную политическую идентичность и учитывать доктринальные особенности ислама. Таково «многообразие современностей», о котором писал Шмуэль Эйзенштадт...

Литература

- Алиев А.А. Иран vs Ирак: История и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 768 с.
- Дорошенко Е.А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. – М.: ИВ РАН, 1998. – 240 с.
- История Востока: В 6 т. – М.: Восточная литература, 2008. – Т. 6: Восток в новейший период, (1945–2000 гг.). – 1096 с.
- Мамедова Н.М. 25 лет ИРИ как опыт исламского правления в современном мире // Двадцать пять лет исламской революции в Иране / Ред. Мамедова Н.М. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 18–24.

- Хахим Р.* Где наша Мекка? – Казань: Магариф, 2003. – 64 с.
- Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. – М.: РОССПЭН, 2001. – 238 с.
- Хомейни Р.М.* Исламское правление. – Алматы: Атамұра, 1993. – 137 с.
- Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Подъ ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – С.-Петербургъ: Типо-Литографія И.А. Ефрона, 1898. – Т. 23, полутом 45. – 474 с.
- Ahsan A.Sh.* Renaissance in Iran // A history of Muslim philosophy / Ed. by Sharif M.M. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966. – Vol. 2. – 506 p. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/5462716/A-History-of-Muslim-Philosophy-Vol-II-Edited-by-MM-Sharif> (Дата посещения: 25.12.2011.)
- Army v. Pahlavi Period // Encyclopædia Iranica. – Mode of access: <http://www.iranica.com/articles/army-v> (Дата посещения: 22.10.2011.)
- Bazargan M.* Religion and liberty // Liberal Islam: A sourcebook / Ed. by Kurzman Ch. – N.Y., Oxford: Oxford univ. press, 1998. – P. 73–84.
- Bruce S.* Politics & religion. – Cambridge, Malden: Polity press, 2003. – 292 p.
- The Cambridge history of Iran. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1991. – Vol. 7. – 1096 p.
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran. – Mode of access: <http://www.iranchamber.com/government/laws/constitution.php> (Дата посещения: 25.12.2011.)
- Dorraj M.* Islam, governance and democracy // Human rights & religion: A reader / Ed. by Gearon L. – Brighton, Portland: Sussex academic press, 2002. – P. 141–159.
- Elections. Iran under the Qajar and Pahlavi monarchies, 1906–79 // Encyclopædia Iranica. – Mode of access: <http://www.iranica.com/articles/elections> (Дата посещения: 12.10.2011.)
- Elhadj E.* The Islamic shield: Arab resistance to democratic and religious reforms. – FL: Boca Raton: Brown Walker press, 2006. – 272 p.
- Fundamental Law of Persia. – Mode of access: <http://fisiran.org/en/resources/legaldoc/iranconstitution> (Дата посещения: 27.02.2012.)
- Ghazzal Z.* The «Ulama»: Status and function // A companion to the history of the Middle East / Ed. by Choueiri Y.M. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2008. – P. 71–86.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations and the remaking of the modern world. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 367 p.
- Iqbal M.* The reconstruction of religious thought in Islam. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/8934381/The-Reconstruction-of-Religious-Thought-in-Islam-Allama-Iqbal> (Дата посещения: 30.12.2011.)
- Iran, Islamic Rep. at a glance. – Mode of access: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/IRANEXTN/0,,menuPK:312982~pagePK:141132~piPK:141109~theSitePK:312943,00.html> (Дата посещения: 20.12.2011.)

- Lapidus I.M.* A history of Islamic societies. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 2-nd ed. – 970 p.
- Middle East countries at a glance: Countries. – 2001. – Mode of access: <http://mideastweb.org/countries.htm> (Дата посещения: 30.12.2011.)
- Ramadan T.* Western Muslims and the Future of Islam. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 278 p.
- Ramadan T.* Radical reform: Islamic ethics and liberation. – N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – 372 p.
- Roy O.* Secularism confronts Islam. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 128 p.
- Shari'ati A.* What is to be done // What is to be done: The enlightened thinkers and an Islamic Renaissance / Ed. by Rajae F. – Houston, Tex.: Institute for research and Islamic studies, 1986. – P. 29–70.
- Shari'ati A.* Red Shi'ism: the religion of martyrdom, black Shi'ism: the religion of mourning. – Mode of access: <http://www.shariati.com/english/redblack.html> (Дата посещения: 30.12.2011.)
- Supplementary Fundamental Laws of October, 7, 1907. – Mode of access: <http://fisi-iran.org/en/resources/legaldos/iranconstitution> (Дата посещения: 27.02.2012.)
- Tibi B.* Political Islam, world politics and Europe: Democratic peaceand Euro-Islam versus global jihad. – N.Y.: Routledge, 2008. – 311 p.
- Tibi B.* Islam's predicament with modernity: Religious reform and cultural change. – N.Y.: Routledge, 2009. – 407 p.